

Примечание автора

Иногда писателю, работающему в жанре фэнтези, приходится указывать, насколько странен реальный мир. Способ, которым Анк-Морпорк боролся с наводнениями (*см.* стр. 108 и далее), поразительно напоминает тот, что приняли на вооружение в городе Сиэтл, штат Вашингтон, под конец девятнадцатого века. Правда. Можете съездить и проверить. Заодно попробуйте местную похлебку из моллюсков.

СПЛЕТНЯ ОХВАТИЛА ГОРОД, точно пожар (которые с тех пор, как горожане узнали, что такое «страховка от огня», охватывали Анк-Морпорк с завидной регулярностью).

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она гудела в зловонном воздухе квартала алхимиков, которые веками пытались достичь именно этой цели и не преуспели, хотя и были уверены, что завтра у них получится обязательно, в крайнем случае — в следующий вторник и уж точно — к концу месяца.

Она вызвала споры среди волшебников Незримого Университета, которые знали, что сделать из одного вещества другое *возможно*, если, конечно, тебя устраивает, что завтра оно превратится обратно, — только какой от этого толк? К тому же большинство веществ довольно жизнью и без всяких превращений.

Она просочилась в покрытые шрамами, опухшие, а порой и вовсе отсутствующие уши затачивавших свои фомки членов Гильдии Воров. Какая разница, *откуда* берется золото?

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она коснулась хладнокровных, но невероятно чутких ушей патриция и сделала это довольно быстро, потому что человеку, узнающему новости вторым, недолго быть правителем Анк-Морпорка. Он вздохнул, написал что-то на кусочке бумаги и добавил его в стопку таких же кусочков.

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она достигла и заостренных гномских ушей.

— Что, правда умеем?

— Да чтоб я знал. Я так точно не умею.

— Да, но ведь если бы ты умел, то никому бы не сказал. Вот я бы, если бы умел, точно бы помалкивал.

— А ты умеешь?

— Нет!

— *Aza!*

Она дошла и до ночных стражников, заступивших холодным вечером на дежурство у ворот. Охрана ворот Анк-Морпорка была задачей нетрудной. Всего-то и дел, что махать всем желающим проехать, чтобы проезжали, — хотя в темноте и промозглом тумане желающих было немного.

Стражники укрылись под аркой ворот и, ежась, делили одну промокшую самокрутку на двоих.

— Нельзя взять одну штуку и сделать из нее другую, — заявил капрал Шноббс. — Алхимики уж сколько лет пытаются.

— Ну, сделать из дома дыру в земле у них обычно получается, — заметил сержант Колон.

— Об этом я и говорю, — ответил капрал Шноббс. — Невозможно. Это все связано с этими... с элементами. Мне один алхимик говорил. Все состоит из элементов, понятно? Земля, Вода, Воздух,

Огонь и... и чего-то там еще. Широко известный факт. И в каждой штуке они смешаны по-своему.

Он стал переминаясь с ноги на ногу в попытке хоть как-то их согреть.

— Если б можно было превращать свинец в золото, все бы только этим и занимались, — сказал он.

— Волшебники могут.

— Ой, ну это же *магия*, — пренебрежительно протянул Шнобби.

Из желтой дымки, грохоча, вынырнула повозка и проехала сквозь ворота, окатив Колона водой из ямины — одной из тех, что служили неизменным украшением анк-морпоркских дорог.

— Гномы треклятые, — сказал сержант вслед повозке. Но так, чтобы его случайно не услышали.

— Как их много одну повозку толкает, — задумчиво проговорил капрал Шноббс. Повозка медленно свернула за угол и пропала из виду.

— Так в ней, поди, полно этого золота, — сказал Колон.

— Ха. Ага. В этом, наверное, и дело.

А потом сплетня добралась до ушей Уильяма де Словва, и в каком-то смысле на этом ее путь и завершился, потому что Уильям добросовестно ее записал.

Такая у него была работа. Леди Марголотта из Убервальда платила ему за это пять долларов в месяц. И вдовствующая герцогиня Щеботанская тоже платила пять долларов. И король Веренс Ланкрский, и еще несколько овцепикских аристократов. И еще сериф Аль-Хали — только в этом случае оплатой служили полтелеги фиг, доставляемых дважды в год.

Уильям считал, что в целом устроился неплохо. Ему всего-то и нужно было, что раз в месяц очень аккуратно написать одно-единственное письмо, перенести его в зеркальном виде на кусок самшита, предоставленный господином Резником, гравером с улицы Искусных Умельцев, а потом заплатить господину Резнику двадцать долларов, чтобы он тщательно устранил те куски дерева, которые не являлись буквами, и сделал пять оттисков на бумаге.

Конечно, все это нужно было делать с умом, оставляя пространство после слов «Моему Благородному Клиенту» и еще кое-где — эти пробелы Уильям заполнял позже, — но даже с учетом расходов он зарабатывал около тридцати долларов за один-единственный рабочий день в месяц.

Молодой человек без особенных обязательств вполне мог жить в Анк-Морпорке на тридцать-сорок долларов в месяц; фиго Уильям продавал, потому что на фигах, конечно, жить тоже можно, но свести счета с такой жизнью захочется очень скоро.

И он всегда мог найти какой-нибудь дополнительный заработок. Мир букв был для многих жителей Анк-Морпорка кни... таинственным бумажным предметом за семью печатями, поэтому многие из тех, кому все-таки *приходилось* доверять что-то бумаге, поднимались по скрипучим ступенькам рядом с вывеской «*Уильям де Словв: Запишем как надо*».

Например, гномы. Гномы постоянно приезжали в город в поисках работы, и первым делом отправляли домой письмо с рассказом о том, как им тут живется. Это было так ожидаемо — даже если конкретному гному жилось настолько плохо, что он вынужден был слопать собственный шлем, — что Уильям попросил господина Резника изготовить не-

сколько десятков писем-шаблонов, в которых нужно было только заполнить пару пробелов — и никто бы не подкопался.

Поэтому под каждой горой Плоского мира можно было найти любящих гномов-родителей, как зеницу ока хранивших письма, выглядевшие примерно так:

Дарагие [мама с папой]!

Дабрался я в отчем харашо и живу, по адресу [Анк-Морпк Тени Заводильная улица 109]. Все в парядке. Нашел себе харошую работенку у [г-на С.Р.Б.Н. Достабля, частного предпринимателя] и очинь скоро буду зашибать кучу денег. Я помню все ваши добрые саветы и не пью в барах и не путаюсь с троллями. Вот наверно и все надо мне бежать, очень хачу снова повидать вас и [Эмелию], ваш любящий сынок

[Томас Криволюб] »

...который, диктуя письмо, обычно шатался. Двадцать с легкостью заработанных пенсов — а в качестве дополнительной услуги Уильям подгонял орфографию под конкретного клиента и давал ему самостоятельно расставить запятые.

Тем вечером, под бульканье дождя со снегом в водосточных трубах, Уильям сидел в своем крошечном рабочем кабинете над Гильдией Заклинателей и аккуратно выводил буквы, вполуха слушая, как этажом ниже начинающие заклинатели безнадежно, но усердно повторяют на вечернем занятии слова учителя.

— ...внимательно. Готовы? Хорошо. Яйцо. Стакан...

— *Яйцо. Стакан*, — скучно прогудел класс.

— ...*Стакан. Яйцо...*

— *Стакан. Яйцо...*

— ...*Волшебное слово...*

— *Волшебное слово...*

— *Фазаммм. Вот так вот. Ахахахахаха...*

— *Фаз-аммм. Вот так вот. Аха-ха-ха-ха-ха...*

Уильям придвинул к себе очередной лист бумаги, заточил свежее перо, ненадолго уткнулся взглядом в стену и написал следующее:

И наконец, если забыть о Серьезном, поговаривают, что Гномы научились обращать Свинец Золотом — хотя никто не знает, откуда произошел этот слух, — так что законопослушных Гномов, выходящих в Город по своим делам, встречают такими криками, как, цитирую: «Эй, коротышка, натвори Золотишка!» — хотя поступают так исключительно Приезжие, поскольку все местные жители знают, что ожидает того, кто назовет Гнома «коротышкой», а именно Смерть.

Ваш покорный слуга, Уильям де Словв

Ему нравилось заканчивать письма на мажорной ноте.

Уильям взял самшитовую доску, зажег новую свечу и уложил письмо на дерево текстом вниз. Потер бумагу ложкой — и чернила перешли на древесину, а тридцать долларов и такое количество фиг, которое способно обеспечить человеку серьезные проблемы с желудком, были уже, можно сказать, у него в кармане.

Сегодня он занесет письмо господину Резнику, завтра после расслабленного обеда заберет копии и, если все пойдет как надо, к середине недели уже их разошлет.

Уильям надел пальто, аккуратно обернул доску вощенной бумагой и вышел в холодный вечер.

Мир составляют четыре элемента: Земля, Воздух, Огонь и Вода. Это факт, известный даже капралу Шноббсу. И ошибочный. Существует и пятый элемент, называемый обычно Элементом Неожиданности.

Вот вам пример: гномы обнаружили, как делать золото из свинца сложным путем. Он отличается от простого тем, что работает.

Гномы толкали свою перегруженную, скрипящую повозку по улице, вглядываясь в туман. Повозка по-растала льдом, гномьи бороды — сосульками.

Всего-то и нужно было, что одна замерзшая лужа.

Старая добрая Госпожа Удача. На нее *всегда* можно положиться.

Туман сгущался, превращая каждый огонек в тусклое сияние и приглушая звуки. Для сержанта Колона и капрала Шноббса было очевидно, что никакая орда варваров не станет включать завоевание Анк-Морпорка в свои туристические планы на этот вечер. Стражники их понимали.

Они закрыли ворота. Эта процедура была не такой значимой, какой могла показаться, поскольку ключи потерялись уже давно, и припозднившиеся гости города обычно швырялись камушками в окна

построенных на стене домов, пока не находили того, кто готов был открыть для них засов. Предполагалось, что иноземные захватчики не в курсе того, в какое окно лучше бросить камушек.

Потом парочка стражников потащила по грязи и слякоти к Шлюзовым воротам, через которые имела честь проникать в город река Анк. Воды в темноте было не видно, однако время от времени мимо парапета проплывали призрачные силуэты льдин.

— Погоди-ка, — сказал Шнобби, когда они с Колоном ухватились за лебедку подъемной решетки. — Там, внизу, кто-то есть.

— В реке? — переспросил Колон.

Он прислушался. Далеко внизу поскрипывали весла.

Сержант Колон сложил ладони рупором и издал традиционный оклик стражника:

— Эй! Вы!

На мгновение стихло все, кроме шума ветра и плеска воды. Потом кто-то сказал:

— Да?

— Вы это в город вторгаетесь или что?

Последовала еще одна пауза.

— Что?

— Что «что»? — переспросил Колон, поднимая ставку.

— Что за другие варианты?

— Ты мне голову не дури... Вот *вы*, которые в лодке, сейчас в город *вторгаетесь*?

— Нет.

— Ну и хорошо, — сказал Колон, который в подобный вечер рад был поверить человеку на слово. — Тогда поспешайте, а то мы решетку опускаем.

Вскоре плеск весел возобновился и удалился вниз по течению реки.

— Может, надо было не только спросить? — засомневался Шнобби.

— Ну, им же лучше знать, — ответил Колон.

— Да, но...

— Да это же маленькая весельная лодчонка, Шнобби. Конечно, если тебе хочется спускаться по этим славным обледеневшим ступенькам к причалу...

— Нет, сержант.

— Тогда давай-ка возвращаться в штаб-квартиру, ага?

Уильям поднял воротник и заторопился к граверу Резнику. Обычно людные улицы опустели. Из дома казали нос лишь те, у кого находились неотложные дела. Зима обещала быть мерзкой — гаспаччо из промозглого тумана, снега и вечного, бесконечного анк-морпоркского смога.

Взгляд Уильяма привлекло небольшое пятнышко света возле Гильдии Часовщиков. Сияние обрисовывало маленькую сгорбившуюся фигурку.

Он подошел поближе.

Безнадежный голос спросил:

— Горячую сосиску? В тесте?

— Господин Достабль? — спросил Уильям.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчиво невезучий из анк-морпоркских бизнесменов, посмотрел на Уильяма поверх своего лотка дляготовки сосисок. В стынущем жиру шипели снежинки.

Уильям вздохнул.

— Припозднились вы, господин Достабль, — сказал он вежливо.